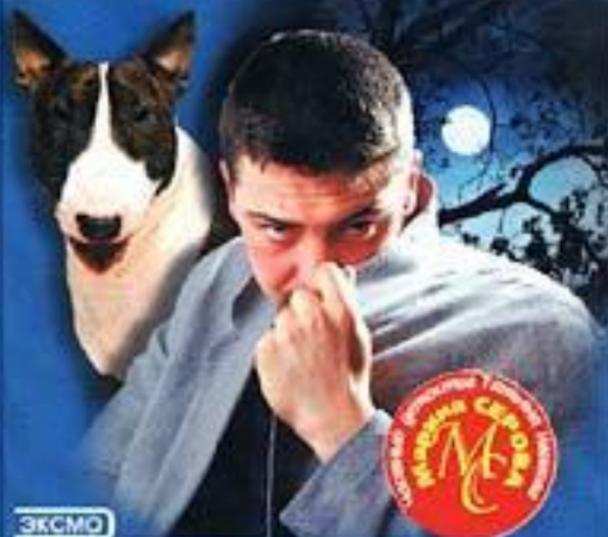

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Вранье
высшей пробы*

ЭКСМО

Марина С. Серова
Вранье высшей пробы
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166971

*Серова М. Вранье высшей пробы. Милый монстр: Повести: Эксмо; М.,
2002*

ISBN 5-699-00799-7

Аннотация

Наверное, у частного детектива Татьяны Ивановой никогда еще не было такого дела – простого и ясного на первый взгляд. Но стоило им заняться вплотную, как оно оказалось запутанным и даже загадочным. Ей пришлось проверить чуть ли не десяток фигурантов, которых можно было подозревать в совершении в буквальном смысле слова зверского убийства. Кто из них натравил на пожилую женщину ротвейлера, и несчастная старушка скончалась на месте, пря-мо возле своего подъезда? Так кто же он, жестокий убийца? Сын, внук, невестка или один из квартирантов? И неужели всего только деньги и двухкомнатная квартира послужили причиной преступления? Но не все так просто, и столько неожиданностей ожидают Татьяну за каждым новым поворотом расследования...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	53
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Марина СЕРОВА

ВРАНЬЕ

ВЫСШЕЙ ПРОБЫ

Глава 1

Меня мучили угрызения совести. Не то чтобы я была чересчур сознательной, но все же...

Все началось довольно банально, а именно, мне пришла в голову бредовая идея применить свои кулинарные способности, которых у меня, кстати говоря, никогда не наблюдалось. Просто до колик в печенках захотелось чего-нибудь вкусного, домашнего. Для этого я выбрала в томике «Кухня народов мира» блюдо под непроизносимым названием «Манто-калакетто», закупила необходимые продукты и, придя домой, решительным шагом направилась на кухню.

Рецепт, придуманный финнами, на первый взгляд был довольно прост. Рыбное филе требовалось нарезать ломтиками толщиной два сантиметра, посолить, уложить на смазанную жиром сковороду, залить молоком и тушить в духовке. Вначале я задумалась над тем, насколько соблюдение указанных размеров может повлиять на конечный результат, то есть на вкус приготавливаемого кулинарного изделия. Чтобы пра-

вильно ответить на этот вопрос, необходимо иметь хоть какой-то маломальский опыт в подобных делах. Верхом же моего поварского творчества, который за всю свою сознательную жизнь я сподобилась продемонстрировать, была лишь жареная картошка.

Решив все же строго придерживаться исходных данных, указанных в рецепте, я уже была на полпути за линейкой, но, поймав свое серьезно-сосредоточенное выражение лица в зеркале, вдруг представила себя с этим измерительным прибором в руках, наклонившейся над рыбным филе, и неожиданно расхохоталась. Кенар Муслим, певший, к слову сказать, ничуть не хуже Магомаева и мирно дремавший до этого в клетке, встрепенулся от неожиданности и нервно зачирикал. Если бы за данной процедурой меня увидел шеф-повар моего любимого ресторана «Тройка», то, трясая своим большим животом, он наверняка повеселился бы от души над такими поварскими ухищрениями.

Вернувшись на кухню, я стала резать рыбу, руководствуясь исключительно своим глазомером. Сделав все так, как было описано в книге, я засунула сковороду в духовку, включила огонь и с тоской в глазах взглянула на гору немытой посуды, образовавшуюся в раковине. Для приготовления финского блюда вроде и делать-то ничего особенного не пришлось, так откуда же взялось столько грязной посуды?

Пришлось мне собрать все свое терпение. С решительным видом я подошла к раковине. Я открыла кран с горячей во-

дой, и... в этот момент раздался звонок в дверь. Кто-то, кого я вовсе не ждала, решил сбить мой настрой на виртуозное исполнение финского рецепта. От неудовольствия я нахмурила брови, но ничего не оставалось делать, как пойти и открыть непрошеному гостю дверь.

На пороге стоял Григорий. Только увидев его воочию, я поняла, как давно мы не виделись и как я соскучилась. Мельком взглянув в зеркало, я увидела сумасшедший взор своих зеленых глаз, растрепанные волосы, а также руки, испачканные в рыбе, и меня взяла досада, что я предстала перед своим старым другом – и не только, кстати, другом – в таком безобразном виде.

– Судя по твоему расстроенному личику, я не вовремя, – произнес Григорий, волшебным образом доставая из-за своей широкой спины бутылку шампанского, торт и разноцветный горшок с великолепным папоротником. Что и говорить, он большой оригинал! Мало того что, как всегда, не сподобился предупредить меня о своем визите, так еще притащил растение! Значит, кроме Муслима, мне придется обхаживать и этого, навязанного мне, зеленого. Но все же я улыбнулась.

К Григорию я отношусь снисходительно и готова простить ему даже внеурочный визит. Одним из его неоспоримых достоинств является великолепное умение готовить все, что угодно, из чего угодно и в каких угодно условиях. Даже если в моем холодильнике сиротливо лежали лишь две засохшие сырные корочки и позавчерашний кусок докторской колба-

сы, – он и тогда умудрялся сочинить пищу, от которой так чудесно пахло, что уличные собаки выли от досады, втягивая носом воздух, струившийся из моей форточки. И вот сейчас у меня появилась чудесная возможность показать другу, что и я не лыком шита, и тем самым закрепить свой авторитет. Чрезвычайно довольная представившимся случаем блеснуть перед Григорием, я благосклонно на него взглянула.

– С какой-то страшной, непреодолимой силой захотелось тебя увидеть, – улыбнувшись мне в ответ, пытался оправдаться Григорий.

– Очень рада тебя видеть. Проходи, я сейчас.

Стремглав бросившись по коридору, я добежала до ванной комнаты, чтобы помыть рыбные руки, но горячей воды не оказалось в наличии. Пришлось отмывать холодной. Приглаживая непослушные волосы, я удивилась тому, что мне настолько небезразлично, как я выгляжу в глазах Григория. Вот эта моя суетливость и излишняя забота о внешности и сыграли со мной злую шутку, повлекшую за собой цепочку разных событий.

Гриша уже откупорил шампанское, нарезал торт и ждал только моего сценического выхода. И тут началось!.. Оказывается, мы не виделись так долго! Так много нового произошло в моей и в Гришиной жизни! Бутылка быстро опустела, а к тарту ни один из нас даже не притронулся, потому что нельзя забивать рот, когда скопилось столько невысказанного.

Первым насторожился Гриша.

– Тебе не кажется, – спросил он, поведя носом, – что в воздухе витает посторонний запах?

На слове «запах» еще до конца не осознанное чувство чего-то непоправимого подняло меня со стула и стремглав вынесло на кухню.

– Все это случилось потому, что я совсем не люблю готовить! – сделала я заявление, когда сковородка с обугленным, а совсем еще недавно многообещающим содержимым оказалась на столе.

Гриша сочувственно взирал на меня, потерпевшую полное фиаско, пытаясь скрыть улыбку, чтобы до конца меня не расстраивать. А я тем временем начала мысленно себя успокаивать, находя весомые аргументы в свою защиту. Начнем с того, что я не знала, сколько времени финское чудо-блюдо должно провести в духовке. В рецепте об этом не было сказано ни слова. Исходя из этого, можно предположить, что, даже если бы не заявился Гриша, я все равно не смогла бы точно определить, когда следует вынимать сковороду из духовки. И вообще, идея обнаружить у себя поварской талант с самого начала была сомнительной и авантюрной. Надо сказать, после таких рассуждений мне заметно полегчало.

– Что это было? – спросил Григорий, имея в виду, как я поняла, название продукта, лежавшего в основе блюда, которое я собиралась приготовить.

– Кажется, судак, – не очень уверенно ответила я, так как

совершенно не разбираюсь в разновидностях рыбы.

– А я как раз хотел предложить тебе отужинать со мной в ресторане.

– В «Тройке»? – машинально спросила я, все еще не в силах оторвать взгляда от углей на сковороде.

– Если ты хочешь...

– Нет! – почти закричала я, так как навязчивый образ тамошнего шеф-повара снова возник перед моим внутренним взором. – Где угодно, только не там!

Несколько удивленный, Григорий поспешил заверить, что все будет так, как я захочу. Благосклонно кивнув в ответ головой, я взяла из шифоньера алый брючный костюм и с достоинством удалилась переодеваться, поймав довольно-таки насмешливый взгляд Гриши, который он безуспешно пытался скрыть.

На сегодняшний вечер я отвела себе роль женщины-вамп, для чего сделала соответствующий макияж. Проведя полчаса в уединении, лично я осталась весьма довольна полученными результатами, и взгляд Гриши превратился в одобрительный, что помогло мне успокоиться после кулинарного фиаско. Кто бы знал, что ожидало меня впереди!

Начало, однако, было впечатляющим. Вечер получился чудесным. Неторопливый и степенный Григорий забавлял меня смешными рассказами, каждый из которых, как он уверял, являлся былью.

Как и следовало ожидать, в корейском ресторане нас об-

служивал официант-кореец. Как только я его увидела, то сразу же, пребывая в благостном настроении, задала не знаю как слетевший с языка нелепый вопрос, действительно ли собачье мясо – это вкусно? На что официант на ломаном русском ответил, почему-то гнусавя:

– Давайте, я не буду портить вам аппетит.

Мне нечего было возразить, я лишь рассмеялась, не подозревая, что в ближайшем будущем собачья тема станет для меня профилирующей.

Музыка в ресторане звучала отнюдь не корейская, а совсем восточноевропейская, даже иногда русская. С большим трудом, но я вытащила-таки Гришу из-за столика: мой старый знакомый не любил танцевать, потому что делал это весьма неуклюже. Давно зная это, я простила ему, когда он два раза весьма ощутимо придавил своей массивной ступней мою изящную ножку.

Близость Гриши напоминала мне веселые бесшабашные студенческие годы, и от этих воспоминаний на душе становилось тепло и уютно. Из ресторана мы вышли в обнимку. От выпитого «Каберне» слегка кружилась голова. Замечательная погода, аппетитный ужин – на сегодняшний день от этой жизни мне больше ничего уже не было нужно. Ну, разве что...

В моей родной двери торчала записка от соседки, живущей этажом ниже. Видимо, таким оригинальным способом Любовь Сергеевна решила пригласить меня к себе в гости.

Правда, тон записки был почему-то скорее повелительным, чем просительным. Заглянув через мое плечо, Григорий с большим чувством шепнул мне на ухо:

– Может, отложишь визит до завтра?

Охваченная смутной тревогой, я ничего не ответила, а для начала отперла квартиру.

Весь пол в коридоре, на кухне и частично в зале был залит водой. Оторопело глядя на потоп, я никак не могла сообразить, от чего он произошёл, и вначале подумала, что потекла батарея. Присвистывание, которым Гриша выразил свое удивление, привело меня в чувство, и я зашлепала по лужам.

По пути в кухню меня внезапно пронзило своим острием четкое воспоминание: я же открывала кран с горячей водой, чтобы помыть посуду! Воду отключили, а когда включили обратно, меня уже дома не было. Раковина была забита грязной посудой, поэтому быстро наполнилась, и вода выплеснулась в прямом смысле на голову соседей, а в переносном – и на мою тоже. Теперь, вместо того чтобы расслабиться и забыться в объятьях своего спутника, мне придется ликвидировать последствия потопа и выслушивать соседскую ругань. Но больше всего меня волновал даже не предстоящий скандал, а самый тривиальный вопрос: где я возьму деньги, чтобы оплатить соседям новый ремонт?

– Давай я пойду с тобой, – как истинный джентльмен предложил Гриша. – Или будет даже лучше, если ты останешься здесь, а с соседями я разберусь без тебя.

Оценив Гришино великодушие, я отказалась от его помощи, решив принять весь огонь на себя. И с каких это пор я стала такой забывчивой и рассеянной?

Вот теперь-то, спускаясь по лестнице, я и испытывала угрызения совести. Пыталась представить размеры нанесенного ущерба, и мне становилось все грустнее. Сегодняшний чудесный вечер должен был продолжиться совсем не так! Хорошо хоть выпитое шампанское, а затем и вино подействовали на мой организм благоприятным образом и немного поддерживали тонус.

Неприятно и досадно было еще потому, что вспомнилась мне Любовь Сергеевна, которая заглядывала ко мне два месяца назад, сразу после сделанного ею ремонта, и настоятельно просила следить за всеми водными системами в моей квартире, дабы не испоганить наведенную красоту. С моей стороны прецедента в этом отношении никогда не было, поэтому я только недоуменно повела плечами, но чтобы не вступать в длительные дискуссии, обещала усилить бдительность.

Лучше бы она ко мне не приходила! После того визита я все же стала осторожничать, а, как известно, то, чего боишься, непременно происходит! Так и случилось. Благодаря сильному желанию понравиться Григорию, из-за которого я помчалась напрямиком в ванную комнату и не удосужилась закрыть кран с горячей водой на кухне, я должна расплачиваться госзнаками, которых у меня к тому же на данный мо-

мент в достаточном количестве в наличии не имелось.

Вся проблема состояла в том, что вот уже две недели у меня не было работы. То ли милиция повысила раскрываемость преступлений, то ли у населения просто не было денег, чтобы в случае необходимости прибегнуть к услугам частного детектива и оплатить мою работу. Так или иначе, но последние четыреста пятьдесят долларов я потратила на приобретение нового монитора на жидких кристаллах и теперь находилась в полнейшем экономическом кризисе. Безусловно, зеленые бумажки на так называемый черный день у меня отложены, но данная ситуация в моем сознании никак не подбивалась под критерий наступившего «черного дня». Хотя в случившемся целиком и полностью была виновата только я, все же мне совсем неинтересно оставлять себя без денежных тылов и средств к существованию. Кто знает, когда меня настигнет новая работа.

Уже нажимая на звонок соседской двери, я молила бога о том, чтобы потоп не принес соседям значительных разрушений.

Любовь Сергеевна, возникшая на пороге в фиолетовом халате, туго, как пеленка новорожденного, обтягивающем ее пышную фигуру, молча посторонилась, давая мне пройти. Ее грозный, насупленный взгляд не предвещал ничего хорошего.

К моему счастью, соседка не относилась к той многочисленной категории скандальных женщин, которые и при ме-

нее серьезных обстоятельствах, открыв пошире рот, гудят, словно десяток пожарных сирен, собранных в одном месте. Любовь Сергеевна принадлежала к прослойке, называемой интеллигенцией, и преподавала в экономическом институте философию. Поэтому где-то в глубине моей души теплилась надежда, что она отнесется к возникшей неприятной ситуации профессионально. То есть философски. На поверку моим надеждам не вполне было суждено сбыться. Философия в теории, преподносимая студентам на лекциях, – это одно, а практика, пардон, – совсем другое.

– Я же просила вас. . . – скорее прошипела, чем сказала Любовь Сергеевна. На дальнейшее повествование ей просто не хватило дыхания, так сильно подействовало на нее произошедшее.

Обклеенный моющимися панелями потолок в коридоре, а также на кухне выглядел весьма плачевно. Я бы даже сказала – жалко. Во многих местах сцепление панелей с потолком было нарушено, и они сиротливо свисали. Шелковые коридорные обои также изрядно намокли и отошли от стены. Но больше всего, разумеется, пострадала кухня. В совсем недалеком прошлом прелестные голубые шкафчики выглядели более чем уныло. Как жаль, что они сделаны из ДСП, которые так быстро впитывают в себя влагу! Светло-коричневый дубовый паркет – и к чему только такое барство! – с любовью настеленный везде, в местах наибольшего скопления воды уже успел покоробиться. Что тогда с ним будет завтра

утром... О своем вздутом линолеуме и мокрющем паласе, находящемся в зале, я старалась не думать.

Принося свои сожаления и извинения, я тем временем параллельно прикидывала, какой суммой, безвозвратно для меня потерянной, здесь пахнет. Цифра, нарисовавшаяся в моем кипящем воображении после всех подсчетов, привела меня в меланхолическое оцепенение, сопровождавшееся некоторой заторможенностью.

– ...Пока я смогла найти кого-нибудь, чтобы перекрыть воду, бегая по этажам, будто ошпаренная курица, прошло много времени! – говорила в запальчивости соседка.

Ее сравнение собственной персоны с курицей было как нельзя точным. И хотя обычно курицами называют глупых женщин, что в данном случае не соответствовало действительности, но кудахтала Любовь Сергеевна и впрямь, как курица. Хорошо еще, что ее мужа до сих пор не было дома. Того же самого, но в исполнении дуэтом, я бы не вынесла.

– Вы должны за свой счет произвести в моей квартире повторный ремонт! – придав своему голосу как можно больше твердости и безапелляционности, произнесла соседка. – И как можно скорее! Я не собираюсь терпеть этот бедлам у себя в доме! Мне по горло хватило беспорядка и грязи, которые здесь царили при первом ремонте, поэтому будьте добры...

Она все говорила и говорила, на тот случай, если бы мне вздумалось открыть фронт противостояния, а я согласно кивала головой. Видя, что я без оговорок соглашаюсь со всем

сказанным, Любовь Сергеевна несколько смягчилась.

– Я возьму у мужа телефон фирмы, которая делала нам ремонт. Договаривайтесь только с ними! Везде так много пьяниц и тунеядцев, а мне нужны исключительно проверенные люди, чтобы все было исполнено в кратчайшие сроки! И как можно так безалаберно относиться к своему и чужому имуществу! – опять вернулась она на круги своя, и опять одно восклицание сменялось другим, не менее насыщенным.

Потихоньку, плавно, я продвигалась к выходу, но тут в двери заскрипел замок, и на пороге показался хозяин дома. Выражение его лица отчего-то было еще мрачнее, чем у жены. Вероятно, Любовь Сергеевна уже успела предупредить о произошедшем наводнении своего супруга по телефону. Этого маленького, с непропорционально длинными конечностями человека я изредка встречала в подъезде и всегда при общении с ним отделялась лишь вежливым приветствием. Кажется, на этот раз так легко мне отделаться не удастся. Но хозяин едва глянул в нашу сторону, поставил тяжелый портфель на пол и скрылся в комнате.

– Толя! – недоуменно возопила жена, двигаясь за ним след. – Ты что не видишь, что происходит в нашей квартире?

Более всего ее возмутило безразличие мужа, хотя элементы наступившей разрухи просто бросались в глаза. Любовь Сергеевна рьяно переключилась на своего благоверного, а я тем временем отперла дверь.

– Куда это вы? Подождите! – тут же преградила вездесущая женщина мне дорогу.

Анатолий, облик которого в сером джемпере и такого же цвета брюках, был слишком невыразительным, возник в дверном проеме и хриплым тусклым голосом проговорил:

– Мама умерла.

– Что? Кто? Чья мама? – увлеченная разрешением совсем другого рода проблемой, не поняла его вначале Любовь Сергеевна.

– Моя мама, – уже жестче повторил он, раздраженный непониманием жены. – Ксения Даниловна Делун.

На сей раз, ошеломленная новостью, соседка прикрыла рот рукой и округлила глаза.

– Я, пожалуй, пойду, – решила все-таки настоять я на своем уходе и благополучно ретировалась.

Да, вот так иногда чужое горе бывает кому-то на руку. А то неизвестно, сколько еще времени я проторчала бы в этой, затопленной мною, квартире.

– А я хотел уже идти тебе на подмогу, – произнес, увидев меня на пороге кухни, Григорий, заканчивавший мыть посуду.

– Где ты взял воду? – спросила я устало, присаживаясь на табуретку.

– У тебя полна ванная воды, – невозмутимо ответил он мне, ставя последнюю тарелку на место.

– Вода, вода, кругом вода... – вспомнились мне строчки

из песни, и я, закрыв глаза, опустила голову на руки.

Несмотря на утомление, я все же успела заметить, что полы успешно вымыты, а палас из зала куда-то исчез. Как впоследствии оказалось, Григорий вывесил его сушиться на лоджию. Гришка являл собой образец мужчины во всех отношениях. Именно о таком грезил в своих мечтах большинство женщин. А я, ради его всевозможных достоинств, готова была простить ему медлительность и несколько флегматичное отношение к жизни.

– Пошли, – Гриша вытер руки о полотенце, и, повинуясь его мужскому началу, я поплелась за ним в комнату.

– Ложись, – далее скомандовал он, но меня и без его команды диван притягивал со страшной силой.

– Да, да, вот тот самый позвонок, называемый атлантом, – совсем разомлела я, когда своими сильными руками Гриша начал собирать мой рассыпавшийся позвоночник.

– Тебе нужны деньги? – вдруг спросил он, особенно сильно налегая на мои плечи.

– Нужны, – не стала я лукавить. – Но не вздумай их мне предлагать. Все равно не возьму.

Если бы меня сейчас кто-нибудь спросил, чем были продиктованы мои слова, я не смогла бы дать вразумительного ответа. Здесь переплелись и гордость, и независимость, и что-то еще, чего я не в состоянии сформулировать.

– Нет так нет, – не стал спорить Гриша, и мне стало даже обидно, что он не настаивает. Глаза мои закрывались, а когда

я пыталась их приоткрыть, то все предметы, на которые я силилась смотреть, расплывались в одно светящееся пятно. Кажется, я засыпала...

* * *

Утром следующего дня, как часто бывает в моей жизни, меня разбудил телефонный звонок.

– Алло, Татьяна? Это Любовь Сергеевна. Не могли бы вы спуститься сейчас ко мне? Нужно поговорить.

Разве вчера она не все сказала, что хотела? Мне заранее стало себя жалко. Но делать нечего, придется подчиниться. «В следующий раз не будешь ловить ворон», – строго сказала я самой себе и вопреки принятому решению брякнулась опять на диван. Только сейчас, до конца распахнув глаза, я заметила, что валяюсь в постели одна. Гришу уже сдуло утренним попутным ветром.

Как это он вчера сказал? Посторонний запах? Вот этот самый посторонний запах и поднял меня второй раз с постели. Как пчела в предчувствии цветка, я двинулась вперед, пока не уткнулась на стоящую на плите сковороду, бережно укрытую подолом большой куклы-грелки, доставшейся мне еще от бабушки. Судя по очертаниям, внутри находилось то самое финское чудо-блюдо под названием «Мантокалакетто». Из остатков рыбы и молока, лежавших в холодильнике, заботливый Гриша без особого труда приготовил то, из-за

чего мне до сих пор было так обидно и досадно. Желудок мгновенно откликнулся на раздражение обонятельных рецепторов и призывно заурчал. Я потянулась было за вилкой, но вовремя вспомнила об обещании, данном соседке. Пришлось отложить трапезу на неопределенное «потом». Только теперь я заметила на столе записку, оставленную Гришей.

«Вечером привезу деньги. Все имеющиеся претензии по этому поводу прошу отослать моему адвокату. Приятного аппетита!»

Вот так, сохранив в девственной неприкасаемости свою эмансипированность, я добилась желаемого. Вечером у меня будут деньги. Строптивость, которая вчера обуяла меня, когда Гриша предложил материальную помощь, после утреннего звонка соседки куда-то улетучилась: я уже была готова позаимствовать у него энное количество хрустящих купюр, лишь бы только от нее отвязаться.

Надев спортивный костюм и наспех причесавшись, я не утерпела и все же стянула со сковороды один кусочек рыбы в молоке. Сделав таким образом себе приятное, вздохнула и отправилась на экзекуцию.

Глава 2

Нажимая на кнопку звонка, я соображала, что скажу соседке, если она потребует от меня денег немедленно.

Сегодня, в отличие от вчерашнего вечера, Любовь Сергеевна имела весьма сосредоточенный, вдумчивый вид. Проводив меня все на ту же кухню – видимо, для лишнего напоминания о масштабах бедствия, случившегося по моей вине, – она пододвинула мне табурет. Взгляд мой уперся в Анатолия, стоящего у окна в строгом черном костюме. Сегодняшний стиль одежды делал его более солидным и внушительным. Даже его лоб, плавно переходящий в зеркально-гладкую лысину, окаймленную остатками жидких черных волос, не так бросался в глаза. Скрестив руки на груди, в глубокой задумчивости он смотрел вверх многоэтажных домов и, наверное, видел там нечто, доступное только ему.

– Меня зовут Анатолий Константинович. Моя жена сказала, что вы занимаетесь частным сыском, – тусклым голосом произнес он, не удосужив меня взглядом. Сама Любовь Сергеевна тихо опустилась на табуретку в углу кухни и скромно молчала на протяжении всего разговора.

– Если вам так угодно выразиться, то да, – ответила я, чувствуя себя не в своей тарелке, так как не понимала, куда клонит хозяин разоренного мной дома. Прикидывает, сколько с меня содрать?

– Насколько успешно идут ваши дела на этом поприще? – последовал второй вопрос.

И я вспомнила родную прокуратуру, в которой когда-то работала, и допросы следователей. Несмотря на тщедушное телосложение, Анатолий был напорист. Это чувствовалось по его тону, а я сидела перед ним, будто обвиняемая, и должна была удовлетворять его якобы законное любопытство.

– Довольно успешно, – сдержанно, и в то же время совершенно честно сообщила я.

– Каков процент неудач? – продолжал допытываться Анатолий Константинович, демонстрируя свое математическое, логически выверенное мышление.

– Не более одного, – послушно ответила и тут же поймала на себе заинтересованный взгляд собеседника, первый за все это время. Он внимательно оглядел меня, начиная с моих белокурых волос и заканчивая домашними тапочками. Видимо, прикидывал, насколько можно верить моим словам.

Вновь устремив глаза вдаль, хозяин квартиры, в которую я вот уже второй день наносила вынужденные визиты, перекинул руки за спину, сцепил их в замок и принялся плавно перекатываться с носков на пятки. Так грациозно и изящно у него это получалось, что я предположила: мужчина, вероятно, в свое время окончил хореографическое училище.

– Если все действительно так, как вы говорите, то у меня к вам деловое предложение. Я готов забыть о том ущербе, что вы причинили моему интерьеру, в обмен на вашу работу.

Глубоко недоумевая, я вскинула брови.

– О чем вы говорите?

Прежде чем ответить, Анатолий Константинович выдержал продолжительную паузу. Не обделенная наблюдательностью, я увидела, как он пытается справиться с нахлынувшими на него чувствами.

– Как вы уже слышали, у меня умерла мать. Случилось это при довольно странных обстоятельствах, которые я бы хотел, чтобы вы расследовали, так как уверен – дело пахнет убийством.

Я буквально физически ощутила, как внутри меня завелся моторчик, приводящий в движение мой профессиональный азарт. Теперь на табурете сидела уже не та Таня Иванова, что вошла в соседскую квартиру десять минут назад. Это была уже хищница, которая, напав на след добычи, не могла остановить преследование своей потенциальной жертвы.

– Внимательно вас слушаю, – пытаюсь скрыть возбуждение, поощрила я собеседника на продолжение беседы. Только сейчас я осознала: две недели без работы – чудовищный срок для моего интеллектуального потенциала.

– Она возвращалась в девять часов утра домой из магазина. Во дворе ее собственного дома на нее напал ротвейлер. От полученных укусов и из-за стресса с ней случился инфаркт, она скончалась по дороге в больницу.

Анатолий Константинович замолчал, усилием воли подавляя растущее негодование.

– Где в это время был хозяин собаки? – уже полностью включилась я в работу.

Невидящим затуманенным взором стоящий возле окна мужчина посмотрел на меня, будто не понимая смысла вопроса.

– Женщина, приятельница матери, живущая на первом этаже в ее доме, видела всю эту сцену и сказала, что собака возникла между домами внезапно и стремительно двигалась как к намеченной цели. Она буквально порвала тело моей матери и скрылась там же, откуда появилась. Хозяина рядом с собакой никто не видел.

Голос Анатолия Константиновича сел настолько, что последние его слова я расслышала с трудом. На меня произвело впечатление услышанное. Одно непонятно: почему он так уверен, что произошло убийство, а не несчастный случай? Собеседник тем временем продолжал:

– Я опросил нескольких людей, живущих в этом доме, и все как один заявили: собак такой породы во дворе никто не выгуливает. Есть овчарка, пудель, даже такса, но ротвейлера коричневого окраса нет.

– Скажите, а почему вы сразу предположили, что совершено убийство? По городу бегают десятки бездомных собак, в том числе и породистых. Одна из них, страдающая бешенством или просто разозленная кем-то, могла напасть на вашу мать. Ксения Даниловна Делун могла стать нелепой жертвой

несчастливого случая.

Я заметила: сын покойной, услышав, что я произнесла полное имя его матери, по достоинству оценил мою великолепную память. Ведь знать фамилию и имя-отчество погибшей я могла только потому, что он сам вчера упомянул их в разговоре. И почему только вчера с этим проклятым крапом эта память так подло меня подвела?

– Я объясню. Нас у матери двое. У меня есть еще старший брат, Делун Евгений Константинович. Так вот, в его семье вот уже два года живет ротвейлер, внешний вид которого полностью совпадает с описаниями напавшей собаки.

Это уже становилось интересным.

– Каков, по-вашему, мотив, толкнувший брата на столь чудовищное преступление?

Анатолий Константинович протестующе замотал головой и в волнении стал прохаживаться взад-вперед.

– Нет, подозреваю я, разумеется, не самого Женю, а его старшего сына Геннадия. Он имеет все задатки настоящего уголовника, – поспешил он пояснить. – Что касается мотива, то он прост: после смерти матери ее двухкомнатная квартира в центре города по завещанию отходит моему старшему брату.

– У вас были настолько натянутые отношения с матерью, что она отказала вам в доле наследства? – удивилась я.

– Вообще нет. Между нами существовала предварительная договоренность. Мне после смерти моей бабушки отошла

вот эта квартира. С братом же мы условились, что за ним останется квартира матери. Я сам настоял, чтобы мама составила завещание в пользу Жени. Не хотел, чтобы он сомневался в моей порядочности и чтобы наши отношения испортились.

– Хорошо. Теперь расскажите мне о семье вашего брата. Анатолий Константинович еще больше насупил брови.

– Здесь все сложно. И в его семейной жизни, и в наших с ним отношениях тоже. Случись все при других обстоятельствах, я непременно пошел бы в милицию. Но дело в том, что мой брат сам полковник милиции, поэтому я твердо уверен – в данном случае правоохранительные органы мне не помогут. Что касается его семьи, у Жени два сына от разных браков. Младший – Роман, часто заглядывал к нам, но вот уже полгода мы его не видели.

– Скорее всего родители настраивают мальчика против нас, – решила вставить свое слово сидевшая в углу Любовь Сергеевна.

– У вас с братом не сложились отношения? – обратилась я к Анатолию Константиновичу, затронув, по-видимому, болезненную тему.

– К сожалению, – быстро проговорил он, не захотев останавливаться на этом вопросе. – Жена брата – Инесса – работает в налоговой полиции. Женщина неприятная, желчная, с налетом стервозности.

«А мой сосед резок и прямолинеен в своих высказываниях», – отметила я про себя.

– Геннадий – молодой человек без определенных занятий. Отец много раз буквально спасал его от тюрьмы, но, как известно, вседозволенность порождает безнаказанность. Про таких, как он, говорят, что горбатого исправит только могила. Для него не существует никаких моральных норм. Возможно, Генка опять влип в какую-нибудь историю, и, чтобы откупиться, требуются деньги, я не знаю. Это только мои предположения, которые вам предстоит либо подтвердить, либо опровергнуть. Второй сын брата – Роман, сейчас учится в десятом классе. В отличие от старшего – мальчик неиспорченный, с покладистым характером. Меня всегда удивляло, в кого он такой?

– Скажите, кроме членов семьи Евгения Константиновича, кто еще мог желать смерти вашей матери?

Анатолий Константинович резко остановился, и его темно-синий галстук качнулся в мою сторону.

– Сами подумайте, кому еще может быть нужна смерть семидесятилетней женщины? По-моему, мотив здесь только один – квартира.

Я не стала с ним спорить, пропустив категоричность его высказывания мимо ушей. В моей практике существовало немало случаев, когда очевидное на поверку не оказывалось действительным.

Мой собеседник вскинул руку и посмотрел на часы.

– Извините, но мне нужно заняться организацией похорон, – вежливо дал он мне понять, что аудиенция закончена. – Как я понял, вы беретесь за дело?

– Да, – коротко подтвердила я.

– Возможно, у вас возникнут еще вопросы. Звоните мне вечером.

Прежде чем покинуть квартиру, я записала два адреса: первый – на одной из центральных городских улиц города, второй – в еще более престижном месте на набережной.

Вернувшись домой, первым делом сочла своим долгом отведать финского рыбного блюда, чтобы отдать дань Гришину мастерству, а заодно утолить голод, одолевавший меня. Но если быть до конца честной, мне так хотелось есть, что порядок, пожалуй, был обратный: сначала мне хотелось испытать чувство насыщения и только потом произнести панегирик в Гришину честь.

Тут же вспомнив о своих дорогих двенадцатигранничках, магических «косточках», всегда помогающих мне в делах, – очень я верю в их предсказания – я в первую очередь бросила их на стол. Сейчас, как никогда, мне нужна была их подсказка.

Выпала комбинация: $34+9+18$ – «Вы вспомните о том, что у вас есть старый верный друг, способный поддержать вас и даже преподнести сюрприз».

Ну вот. Как обычно, все странно и загадочно. При чем здесь Гришка? Может быть, стоит предложить ему заняться

расследованием вместо меня?

Но я решила не отвлекаться сейчас на подобные глупости.

Только когда на сковороде осталась одна треть вкуснейшего блюда, я вновь обрела способность мыслить.

Самым главным выводом, сделанным мной из рассказанной Делуном истории, стала непреходящая уверенность в том, что если здесь не гостил несчастный случай, а существовало целенаправленное убийство, то для этой цели собака должна была пройти спецподготовку. Либо с ней поработал профессиональный кинолог, либо хорошо разбирающийся в методах дрессировки человек.

Способ, описанный еще Конан Дойлом в его «Собаке Баскервилей», где пса просто морили голодом, для того чтобы пробудить в нем худшие звериные инстинкты, в данном деле отпадал. В противном случае ротвейлер накинулся бы на первого встречного прохожего, что, конечно же, не входило в планы преступника.

Для того чтобы натравить собаку на конкретного человека, насколько я в этом разбираюсь, необходимы личные вещи потенциальной жертвы: предметы либо одежды, либо обуви. А это значит, что преступник имел доступ в квартиру умершей. И здесь действительно как нельзя лучше подходит кандидатура кого-либо из близких родственников. Одно меня смущало: предположим, на преступление решился племянник клиента, Геннадий. Тогда неужели у него не возникла мысль, что собака, с помощью которой совершено убий-

ство, первым делом бросит подозрение на членов его семьи? Что это? Уверенность в отсутствии свидетелей, стопроцентная убежденность в защите отца? Либо я слишком хорошего мнения о преступнике, а он на самом деле не способен додуматься до элементарного?

И еще. По словам Анатолия Константиновича, его мать написала завещание в пользу старшего сына Евгения. Следовательно, все деньги от продажи квартиры достанутся ему. В чем же тогда состоит выгода его сына-уголовника? А если дело вовсе не в деньгах, которые можно выручить за квартиру, а в самой квартире? Я слишком многого еще не знаю. Необходимо будет выяснить, не изменен ли Ксенией Даниловной текст завещания. А то окажется, что я копаю совсем не в том месте.

В любом случае дело представлялось мне интересным. Уже сам факт участия в этой кровавой истории собаки делал ее, по меньшей мере, нетривиальной. Необычные дела, в которых мне приходилось на полную катушку раскручивать все свои способности, встречались не очень часто и поэтому привлекали меня особенно. Но еще больше в данный момент согревало душу осознание того, что не придется тратить деньги на ремонт соседской квартиры.

Полная самых радостных чувств, я допила кофе и стала собираться, для того чтобы практически приступить к делу.

Утро в семье Делун, как всегда, началось не лучшим образом. Находившаяся на кухне Инесса уже давно предостерегающе гремела посудой, что на языке звуков, установившихся в данном семействе, означало: следует быть крайне осторожным, дабы не попасть под горячую руку разъяренной фурии. Причины, из-за которых Инесса выходила из себя, как правило, не существовали в действительности. Она придумывала их для себя сама. Вот и на этот раз, стоило в дверях кухни возникнуть мужу, как кастрюли загремели с новой силой.

– Где опять мотается твой уголовник? – без обиняков приступила к нападкам Инесса.

Генка второй день не ночевал дома, и она сочла этот факт достаточным, чтобы снова выказать свое негативное отношение в адрес пасынка.

Евгений молча подошел к плите, положил в тарелку порцию яичницы с беконом и, не обращая внимания на реплику жены, сел за стол.

– Тебе хочется, чтобы он опять обчистил соседскую квартиру или изнасиловал кого-нибудь? – нагнетала Инесса обстановку. – Почему ты не принимаешь меры? Сколько можно, прикрывая его задницу, тянуть деньги из семьи?

– Он тоже твоя семья, – взглянув на жену исподлобья,

угрожающе прорычал Евгений. Ни одно утро не обойдется без того, чтобы ему не испортили настроение! Он уже и забыл, когда последний раз улыбался.

– У меня здоровые гены, и мой сын не может быть бандитом! – взвилась Инесса. – Не путай своего сына с моим!

Евгений вдруг резко ударил кулаком по столу.

– Заткнешься ты или нет! – заорал он, вконец выведенный из себя. – Дай мне спокойно поесть, а со своим сыном я разберусь без тебя!

Выпад мужа ничуть не смутил Инессу. Она уже привыкла к его грубости, которую он проявлял по отношению к ней. Поэтому, решив высказать всю заранее приготовленную речь до конца, она продолжила.

– Он хотя бы к бабке на похороны явится? – слегка убавив децибелы, но не изменив недовольного тона, поинтересовалась Инесса.

В ответ – опять молчание. Евгений старательно пережевывал пищу. «Когда-то, – думал он, – она была мягкой и уступчивой, как пони в цирке. Это было в те времена, когда я еще не научился улыбаться. Мне кажется, что с тех пор я живу слишком долго – так я устал от жизни».

Видя, что муж не реагирует, Инесса закричала со страшной силой:

– Ромка, вставай уже! Школу проспишь!

Но Ромка, сонный, уже мелькнул в коридоре своими черными плавками, бросив на ходу:

– Ма, не заводишься. Все будет в горошек.

Пообещал и мило улыбнулся, закрывая за собой дверь в туалет.

– Что будет? – спросила по инерции его мать, скосив глаза на Евгения, ради которого, собственно говоря, и сотрясала словами воздух. – В нашей семье уже ничего хорошего не будет!

В доме Ромка имел статус миротворца. Он был последним звеном в некогда длинной цепи, соединявшей Евгения с Инессой. И если в очередной раз полковнику милиции хотелось немедленно подать на развод, он твердил себе о том, что Ромке сейчас, как никогда, нужен отец. «Если я упущу второго сына, то никогда себе этого не прощу», – старался убедить он себя, и ему легчало. Но окончательную актуальность вопрос о разводе потерял тогда, когда Евгений узнал о своей болезни. Кроме него и его лечащего врача, о ней не знал никто.

Трещина в отношениях с женой образовалась давно, но в пропасть она превратилась после того, как Евгений отказался применить свои связи и влияние, чтобы жену повысили в должности. Он легко мог помочь ей, но не захотел. И она до сих пор оставалась лишь рядовым инспектором налоговой полиции. В последнее время он вынужден был периодически вытаскивать Генку из различных передраг, и Инессу это задевало больше всего. Полковник милиции помогал своему сыну, который того не заслуживал, и отказался помочь же-

не, когда освободилось место начальника. С тех самых пор она мстила ему постоянно, изводя мелочностью и язвительностью ежедневно.

«Даже то, что вторая жена значительно моложе меня по возрасту, не спасло», – с горечью думал Евгений, уловив в себе нарастающее желание никогда больше не видеть и не слышать эту женщину.

Инесса наконец решила позавтракать и демонстративно села на другой конец стола, подальше от мужа. Ее рыжие волосы, накрученные на бигуди, круглое лицо, с как будто навсегда прикрепившимся к нему злым выражением, вызывали у Евгения лишь ненависть и раздражение.

Ромка возник на кухне уже одетый, и, глядя на него, Евгений повеселел. Сын всегда разряжал накалившуюся обстановку, старался примирить родителей. Несмотря на то что у него редко это получалось, он не оставлял своих попыток никогда.

Вслед за сыном в кухне появился единственный питомец, живущий в этом неласковом доме – двухгодовалый светло-коричневый ротвейлер, по кличке Роф. С мощной, широкой грудью, которая вызывала невольное уважение и даже страх у всех, кто его видел. По обыкновению, пес подошел и лег рядом с Романом – его он считал за основного хозяина.

– У меня сегодня доклад по физике, – чтобы отвлечь родителей от мрачных мыслей, произнес Роман, составляя им компанию за столом.

– На какую тему? – поинтересовался отец. Он всегда старался использовать любую возможность, чтобы пообщаться с сыном, который рос, как в сказке, не по дням, а по часам, и ростом был уже выше его самого. С Генкой он всегда разговаривал крайне мало, считая нужным обращаться к нему только тогда, когда было необходимо прочитать очередную нотацию. За что теперь и расплачивается.

– Закон Бойля–Мариотта.

– Ну-ка, выдай его, – попросил Евгений, дожевывая последний тост.

Ромка бодро отчеканил формулировку закона, и Евгений ободряюще похлопал сына по плечу.

– Так держать.

Инесса, как удав, заглатывала пищу быстрее всех. Полковнику всегда хотелось, чтобы она научилась жевать медленно, с чувством. В этом случае ее рот был бы подольше занят и появилась бы лишняя возможность насладиться тишиной. Но армейская привычка Инессы глотать еду не прожевывая, видимо, умрет вместе с ней.

Инесса посмотрела на электронные часы на стене и торопливо вышла, не забыв дать ценное указание сыну:

– Придешь из школы, отведи Рофа в клинику. Пусть пропишут ему таблетки. Слишком он нервный последнее время.

«Разве в этом доме кто-нибудь может чувствовать себя спокойно?» – задал сам себе риторический вопрос Евгений.

– Кстати, – понизив голос, наклонился Ромка к отцу, ста-

раясь говорить так, чтобы мать не слышала, – вчера у нас отменили два первых урока, и я забегал домой.

– Ну и что? – тревожно посмотрел на сына Евгений, и у него вдруг заняло где-то под ложечкой.

– А то, что Рофа не было дома.

Евгений опустил глаза. Худшие опасения, о которых он старался не думать, заталкивая их в дальние уголки сознания, сразу всплыли на поверхность. Он знал, что на его мать вчера напала собака, укусы которой привели к смерти. Все мысли, возникавшие в связи с этим обстоятельством, упрямо крутились вокруг Рофа. Последнее время пес стал вдруг необычно агрессивен, огрызался на всех членов семьи, даже на Ромку. Только теперь полковник окончательно осознал, почему, узнав о смерти матери, не поставил на уши всех своих подчиненных, чтобы расследовать до конца обстоятельства ее гибели, – где-то на уровне подсознания он уже ограждал Генку от ответственности за возможно совершенное им преступление. Ограждал только потому, что всю вину за то, что сын вырос уголовником, брал на себя.

В который раз за сутки вспомнив о матери, Евгений постарался подавить боль. Ксения Даниловна не любила старшего внука. Вообще она была категоричной женщиной и такими же вырастила своих сыновей. Правда, последние пять лет неприятностей с Генкой поубавили ультимативности в характере полковника, но его мать оставалась непреклонной. «Почему ты так защищаешь парня? – пеняла она сыну. –

Каждый человек должен отвечать за свои поступки. Безнаказанность порождает вседозволенность!»

В целом мире никто не любил Генку, кроме Евгения. Но когда полковник признался себе, что любит сына, было уже поздно: тот был порочен, и этот факт не подлежал исправлению.

И вот теперь Ромка, сам не зная того, подтвердил самые страшные догадки отца. Две ночи Генка не ночевал дома, а теперь оказывается, в то время, когда мать Евгения, растерзанная напавшей на нее собакой, лежала во дворе своего дома в ожидании «Скорой помощи», Рофа не было дома. В душе полковника милиции случился обвал. Если бы кто-нибудь знал, как он устал жить!

– Я разберусь с этим, – стараясь не менять интонации голоса, пообещал он сыну.

«Нужно помириться с Анатолием, – решил Евгений, садясь в служебную машину, приехавшую за ним. – Все равно скоро конец».

* * *

Первым делом я решила навестить ценного свидетеля – приятельницу Ксении Даниловны, о которой говорил Анатолий Константинович. Судя по всему, она была такого же преклонного возраста, что и покойная, поэтому я должна застать ее на месте, дома.

Дверь мне открыла немощная старушка, опиравшаяся на лыжную палку. Выслушав мои объяснения по поводу визита, она предложила мне войти. Евдокия Васильевна – так звали старушку – жила одна. Квартира была обставлена очень бедно, если имевшие место предметы мебели вообще можно было назвать обстановкой. В воздухе пахло кошками, которых в доме насчитывалось четыре штуки.

Женщина пригласила меня в комнату, но, чтобы сесть, я предпочла принести из кухни табурет. Воспользоваться усталым кошачьими волосами диваном желания у меня не возникло.

– Меня интересует все, что вы можете рассказать о Ксении Даниловне, – заявила я, наблюдая за хозяйкой, которая, не успев усесться, уже взяла на руки упитанного серого кота.

– То, что произошло, ужасно...

Как обычно в подобных случаях, мне пришлось выслушать вводную часть, содержащую причитания и сожаления. Когда время, отпущенное мной на панихиду, закончилось, я мягко перебила женщину.

– Расскажите, что вы видели вчера из окна, – направила я ее мысли по нужному мне руслу.

– Встаю я рано, в шесть часов. А Ксения в магазин все время с утра ходит, ну, и мне то хлеба, то молока принесет – сама-то я с трудом передвигаюсь, артрит замучил. А вчера Мурзик приболел, так я попросила ее «Вискас» для него купить. Вот поэтому у окна и стояла, ждала, когда она обратно

пойдет. Вот, смотрю, идет Ксения через детскую площадку, а вслед за ней собака мчится. Подбежала и с разбегу как на спину ей бросится...

Старушка перевела дыхание, утерла набежавшую слезу концом затянутого под подбородком платка, после чего продолжила:

– Ксения, конечно, сразу упала, а собака продолжала кусать ее куда попало. Я так растерялась, не знала, то ли на помощь звать, то ли бежать к телефону «Скорую» вызывать. Пока думала, собака уж назад бросилась, а я кинулась к аппарату.

– Ксения Даниловна ходила все время в один и тот же магазин?

Старушка явно не видела никакой связи между моим вопросом и фактом смерти ее приятельницы, но старалась отвечать добросовестно.

– Утром-то? Да. Тут меж соседних домов есть недорогой магазин, «Великан» называется. В нем она всегда и отоваривалась.

– Скажите, а какой породы была нападавшая собака? – задала я вопрос, понимая, насколько глупо звучит он, заданный этой старой, малообразованной женщине.

– Да не разбираюсь я... Толя, сын Ксении, меня о том же спрашивал. Помню, что цвет коричневый и средних размеров... Еще показалось, что щеки у нее отвисают.

– Что было дальше?

– «Скорая» приехала минут так через пятнадцать, я к тому времени уже на улицу вышла. Ксения только стонала, а крови сколько было...

Евдокия Васильевна всхлипнула, а я поспешила пойти в своих расспросах дальше.

– Ксения Даниловна купила вашему Рыжику «Вискас»?

– Да, – отвлеклась старушка, – только не Рыжику, а Мурзику. Я сумку с продуктами забрала, когда Ксению увезли.

– Что в ней было помимо «Вискаса»? – напирала я упрямо.

Женщина меня неправильно поняла, потому что вдруг принялась оправдываться:

– Вы не думайте! Все, что Ксения купила в магазине, я хотела отдать Анатолию, только он не взял, сказал, чтобы я себе оставила.

– Так что же она купила? – нетерпеливо повторила я вопрос.

– Булку хлеба, сметану, еще фарш говяжий... Полкило, кажется.

Так, так... Говяжий фарш, после нападения собаки оставшийся в целости и сохранности.

– А хозяина собаки вы не видели?

– Нет, милая, не видела. Только собака на бездомную совсем не похожа. Ухоженная уж очень и откормленная.

– Может, вы раньше ее видели?

– Нет, родная, не видела. Нет в нашей округе таких собак.

– Вспомните, когда вы подошли, Ксения Даниловна ничего не говорила?

– Нет, – покачала головой Евдокия Васильевна. – Не до разговоров ей было...

Теперь на коленях хозяйки сидело уже три кота, а меня постепенно начинала тяготить атмосфера несвежего воздуха в квартире.

Выяснив все, касающееся непосредственно происшествия, я зашла с другого края.

– Ксения Даниловна что-нибудь рассказывала вам о своих сыновьях?

– Делилась, конечно. Со старшим, Женей, она ругалась постоянно из-за внука. Особенно после того, как Генка родного дядьку обокрал.

– Анатолия? – уточнила я, и одним неизвестным стало меньше. Теперь становилась понятной причина натянутых отношений между братьями.

– Его самого. Ксения говорила Жене: «Пока Генка не отсидит, ничего не поймет». А тот сына выгораживал постоянно...

– А как же с кражей вопрос замаялся? – держала я нить разговора в своих руках.

– Женька брату заплатил за все украденное, но Анатолий отказался забрать заявление, что в милиции написал. Как и мать, он считал, что Генке место в тюрьме. Весь сыр-бор из-за этого пошел... Отец помог Генке, а Толик сильно ругался.

Из-за того, говорит, что ты полковник милиции, вся жизнь твоего сына наперекосяк пойдет.

Как ни косноязычна была Евдокия Васильевна, смысл сказанного я уловила правильно: единственным защитником Генки-уголовника был его отец. Все остальные родственники от него отказались.

– А сам Генка навещал бабушку?

– После той кражи совсем перестал ходить. А Ксения все боялась... У Жени были ключи от ее квартиры, и она все думала: Генка возьмет тайком у отца ключи и обворует ее. Она и гулять-то перестала, в магазин, на почту бегом бегала. Потом, правда, трястись-то надоело, и Ксения затребовала у Женьки свои ключи. Только после этого успокоилась.

– У Ксении Даниловны были сбережения?

– Об этом, милая, она мне не говорила. Пенсия у нее хорошая была, да и квартиранты исправно платили...

– Как давно она пускала квартирантов? – проявила я живой интерес.

– Да их всего двое было. Сначала жил парень, года два назад. А как он институт закончил, взамен себя девчушку прислал. Та пожила немного, потом сказала, что денег родители больше не высылают, и ушла жить в общежитие.

– А институт-то какой, помните?

– Ой, – схватилась за щеку старушка, – говорила что-то Ксюша... В голове почему-то вертится «рога и копыта»...

«Ветеринарный», – перевела я для себя, зная, что в народе

этот институт кличут рогатно-копытным.

Однако как много вокруг бедной Ксении Даниловны собралось любителей животных. Хотя, если бы не роковой ро-твейлер, ничего особенного я бы в этом не усмотрела...

– Ты, дочка, не могла бы мне за молоком сходить? – прервала мои размышления Евдокия Васильевна. – А то кошки мои есть хотят...

Я согласилась, тем более что уже выяснила все необходимое. Благородно отвергнув смятую купюру, которую старушка пыталась сунуть мне в руку, уже у входа спросила:

– Кто-нибудь еще был свидетелем того, как собака напала на вашу подругу, не знаете?

– Как же, как же, – закивала старушка. – Сосед-пенсионер из пятой квартиры с пуделем гулял. Он даже лучше, чем я, все видел. Только его сейчас дома нет, он в столярке подрабатывает.

Поблагодарив старушку, я отправилась в магазин за молоком. Но сначала решила на всякий случай позвонить в пятую квартиру. На мое счастье, сосед-пенсионер, хозяин пуделя, оказался дома. Придирчиво осмотрев мои документы, он откашлялся и впустил меня в прихожую.

– Приболел я что-то, – сообщил дедок и встал, загородив проход в комнату, давая понять, что на все вопросы готов ответить прямо здесь.

Честно говоря, от пенсионера я рассчитывала услышать лишь повторение истории, которую рассказала мне Евдокия

Васильевна. Но все же узнала от него и кое-что новое. Во-первых, он отчетливо произнес название породы нападавшей собаки. Как и говорил Анатолий Константинович, порода эта – ротвейлер. В этом пенсионер нисколько не сомневался.

– У меня сестра в Заводском районе живет, так ее соседи точно такого же держат, – пояснил дедок. – От него все шарахаются, так боятся. А вот еще читали в прессе, был такой случай...

Далее последовала страшная история о том, как один пес такой же породы загрыз свою хозяйку.

– Скажите, а ваш питомец как реагировал на происходящее? – спросила я, глядя на черного карликового пуделя, вертевшегося возле моих ног.

– Да как обычно собаки реагируют? Лаял, конечно, поводок рвал. Я сам подойти не решался, этого ротвейлера ведь голыми руками не возьмешь. К тому же где гарантия, что этот монстр не перекинулся бы на меня? Кричал ему только «фу», но совершенно напрасно...

– А что же, ротвейлер совсем на вашего пса не реагировал?

– Абсолютно. Обученный кобель, сразу видно.

– Это был кобель, вы уверены?

– Разумеется, уверен, – обиженно отозвался пенсионер. – Так вот, потом мы с моим Степаном подошли, и он сразу в сумку, лежавшую рядом с пострадавшей, носом полез. Как

потом оказалось, там мясной фарш был.

Дедок рассказывал все так, будто не человека при нем собака задрала насмерть, а дворовые мальчишки оторвали голову голубю. Как, однако, спокойно некоторые люди реагируют на смерть своих ближних! Да еще на такую страшную смерть!

– Кроме вас и Ксении Даниловны, на площадке был кто-нибудь? – продолжала я допрос, ведя свою, одной мне известную, сюжетную линию.

– Нет, не было. Погода вчера утром оставляла желать лучшего. Если помните, с утра дождь накрапывал.

Это я помнила.

– Потом-то, конечно, народ набежал. Первой Евдокия из четвертой квартиры прискакала, – усмехнулся пенсионер, намекая на то, как медленно передвигалась Евдокия Васильевна из-за болезни. Наверное, он считал себя остроумным.

– Покойная ничего не говорила, после того как вы к ней подошли?

– Лепетала что-то непонятное: то ли «руфь», то ли «рофь», – точнее сказать не могу. У нее болевой шок был, и она вскоре сознание потеряла.

Хозяина ротвейлера, как оказалось, пенсионер тоже не видел.

– А вот знаете, – сообщил мне доверительно дотошный дядька, – я читал, как одной овчарке вставили в ухо радиопередатчик, и она выполняла все команды хозяина, а он в то

время был далеко. Может, существует некто, кто обрабатывает собачьи команды, натравливая их на людей?

Последнее предположение пенсионера мне показалось вообще чудовищным.

– Почему же в таком случае напали не на вас, а именно на Ксению Даниловну? Вы же были первым на пути собачки-убийцы, или не так? – тут же задала я дядьке вопрос.

– Может, команда была нападать только на женщин? – ответил он сразу, и было заметно, что такой вариант он в уме уже прорабатывал.

Мне все это напоминало какую-то фантазмагорию. Хотя, с другой стороны, чего только в жизни не бывает!

– Наука дошла даже до такого... – не унимался пенсионер. – Предположим, вы поздно вечером гуляете с собакой. Она у вас в ошейнике, но без поводка. На вас нападают хулиганы, и вы лишаетесь возможности отдавать команды своей собаке. Но в руке у вас брелок, вы нажимаете кнопку, ошейник расстегивается, и тем самым ваша специально обученная собака получает команду к нападению.

– Вообще-то нормальная собака и без всякой команды должна в случае опасности суметь защитить хозяина, – возразила я любителю технических новинок.

На это он только неопределенно пожал плечами:

– Ну, если она отбежала от вас на сто метров, сколько времени пройдет, пока она сообразит, что с хозяином что-то неладное. Вообще-то я тоже считаю, что все это хорошо для

богатых, способных оплатить подобные новшества.

– Кстати, – отвлекла я собеседника от темы разговора, которую он мне упрямо навязывал, – был ли на собаке ошейник?

– Если вы имеете в виду Степана, то был, – усмехнулся он, хотя прекрасно понимал, что мне до его Степана нет никакого дела. – А на том кобеле ничего такого не было.

– Откуда выбежал ротвейлер? Мне необходимо знать траекторию его движения, – спросила я последнее у остроумного пенсионера.

Дедок махнул рукой куда-то влево.

– Рядом два дома, стоящие под прямым углом друг к другу, корпуса «А» и «Б». Вот из прогала между этими домами пес и выбежал.

Попрощавшись с пенсионером, я вышла на улицу, на которой властвовал теплый тихий сентябрь. Мальчишки на площадке гоняли в футбол, молодые мамы выгуливали своих чад, все дышало миром и спокойствием. И не верилось, что только вчера на этой самой площадке собака насмерть загрызла человека.

Я присела на давно не крашенную лавочку, и, не обращая внимания на то, что от недалеко расположенной мусорки распространялись малоприятные запахи, принялась суммировать полученную информацию.

Первый факт, казавшийся мне несомненным: преступник

хорошо знал привычки Ксении Даниловны. В какое время та имеет обыкновение ходить в магазин и в какой магазин именно. Скорее всего там вчера преступник ее и караулил. После того как пожилая женщина вышла из магазина, он подождал, чтобы она отдалилась от него на определенное расстояние, после чего отдал команду собаке. Об этом говорит то обстоятельство, что ротвейлер напал на Ксению Даниловну сзади.

Второе. Нападавший ротвейлер – кобель. Не исключено также, что произнесенное Ксенией Даниловной незадолго до смерти слово, означало кличку собаки. А значит, кобеля она узнала. Можно, разумеется, предположить, что у женщины был не один знакомый ротвейлер, но вероятность этого слишком мала. Так что скорее всего речь идет о собаке, живущей в доме ее сына Евгения.

Третье. Собака настолько хорошо выдрессирована, что, получив команду от хозяина, не отвлекается ни на заманчивый запах говяжьего фарша, ни на других собак, пытающихся своим лаем спровоцировать драку. Вспомнив также слова Евдокии Васильевны о том, что собака была откормлена и ухожена, я напрочь отмела версию о случайном нападении бездомной собаки на первого попавшегося на ее пути человека.

Итак, преступник все хорошо спланировал. Кто же им мог быть? В первую очередь – кто-то из семьи полковника милиции Делуна. Если в основу обвинения положить один лишь

мотив, то наиболее вероятной кандидатурой на роль преступника становится сам Евгений Константинович. Не исключено также, что его сын, влипнув в какую-нибудь историю, пытался таким чудовищным способом обеспечить своего отца деньгами, для того чтобы последний очередной раз смог откупить его от правосудия.

Хорошо знать привычки Ксении Даниловны могли и жившие у нее квартиранты и даже просто соседи. Но если всерьез подозревать эту категорию лиц, то дело оставалось за малым: обнаружить мотив убийства. Тут, усмехнувшись, я вспомнила, как на одном концерте клоун-мим ходил по авансцене, насупленно глядя в зал, а голос за кулисами восклицал: «Подозревайте! Всех подозревайте!»

Собственно, именно это было чуть ли не моим жизненным девизом. И сейчас под мое подозрение автоматически попали все, включая самого Анатолия Константиновича, нанявшего меня. Так всегда бывает в самом начале. Потом, в процессе следствия, проходящие по делу фигуранты начнут один за другим отпадать, пока не останется единственный. Убийца.

Встав с лавочки и отряхнув от пыли джинсы, я направилась в тот самый прогал между домами 1»А» и 1»Б», откуда выбежала собака. Выйдя меж домов, я сразу наткнулась на тот самый магазин «Великан». С пристрастием допрошенные мною продавщицы магазина положительных сдвигов в расследовании не произвели. Ротвейлера или человека с по-

хожей собакой никто ни вчера, ни ранее возле магазина не видел. Это могло говорить только о том, что преступник был осторожен. Что ж, я уже начала составлять примерный образ преступника.

После чего я вернулась к Евдокии Васильевне с обещанным молоком для ее голодных питомцев кошачьего роду-племени. Счастливая старушка готова была прослезиться...

* * *

Поздним вечером я опять сидела в квартире моих соседей снизу, только на сей раз меня пригласили в гостиную.

– Постойте, дайте-ка вспомнить... – отреагировал хозяин дома на мой вопрос о том, как зовут собаку, живущую в доме его старшего брата. – Кажется, Рома называл ее кличку...

– Роф, – ответила за мужа Любовь Сергеевна. – Его зовут Роф. Я запомнила потому, что первые две буквы их имен совпадают. Младший сын Евгения Рома, а пес – Роф.

– А у меня это совсем не отложилось в памяти, – покачал головой Анатолий Константинович. – Но, вероятно, моя жена права. Вы узнали что-то новое?

Насколько я могла судить, кличку Роф могли дать лишь кобелю. Я рассказала о последних словах, произнесенных Ксенией Даниловной, и увидела, как Делун побледнел.

– Значит, мои подозрения не напрасны...

Он низко опустил голову и еще больше сгорбился. Сейчас, в домашней кофте и мягких тапочках, Анатолий Константинович выглядел совсем потерянным.

– Когда состоятся похороны? – вывела я его из задумчивости.

– Завтра в двенадцать.

– Послушайте, – обратилась я к Любови Сергеевне, – у вас имеются дальние родственники?

Удивленная моим вопросом, она посмотрела вначале на мужа, потом ответила:

– Да, разумеется.

– Я намерена присутствовать завтра на похоронах и хочу, чтобы вы выдали меня за свою... ну, скажем, двоюродную племянницу, проездом остановившуюся в вашем доме.

Растерявшись, Любовь Сергеевна молчала. За нее ответил муж:

– Если это необходимо, тогда не беспокойтесь. На все вопросы о том, кто вы такая, мы будем отвечать так, как вы сказали: двоюродная племянница.

– Это не так просто, как вы думаете, – предупредила я. – Вам необходимо будет следить за своей речью и называть меня только на «ты». Трудно вот так сразу переключиться, но это важно. Никто ничего не должен заподозрить.

– Хорошо, – вздохнул Анатолий Константинович. – Постараемся.

Мы обговорили детали завтрашнего мероприятия во всех

подробностях, после чего я отправилась к себе. Надо выспаться. Завтрашний день обещал быть нелегким.

Глава 3

Стоя позади всех, я внимательно вглядывалась в фигуры, в скорбном молчании стоявшие вокруг могилы. Людей собралось немного. Никто не плакал и не рыдал, как это обычно бывает на кладбище. Церемония прощания проходила в спокойной обстановке. Правда, в воздухе витало хорошо уловимое напряжение. Семьи двух братьев, как две противоборствующие армии, стояли по разные стороны от могилы. И вовсе не потому, что так было удобнее. Казалось, что даже над гробом матери эти Монтеки и Капулетти не в состоянии примириться. Насупленные лица и плотно сжатые губы и тех, и других свидетельствовали не о скорби об утраченной родной душе, а лишь о затянувшейся изнурительной вражде.

Вчера вечером я попросила у Анатолия Константиновича фотографию его старшего брата и членов его семьи. Поэтому сейчас могла вычислить их среди соседей и остальных родственников, пришедших проститься с Ксенией Даниловной.

Снимок нашелся лишь пятнадцатилетней давности. На нем были запечатлены улыбавшийся Евгений Константинович с Инессой в обнимку и с годовалым Ромкой на руках. Геннадия на фотографии не было. Сравнивая теперь лица на снимке с оригиналами, я невольно поражалась, как беспощадно отнеслось к ним время. И дело даже не в том, что Евгений и Инесса постарели – они были просто другими. Са-

мо собой понятно: улыбаться на похоронах матери противостоестественно, но мне почему-то показалось, что Евгений Константинович не делал этого уже довольно давно. Лицо Инессы на фотографии тоже было гораздо приятнее, чем сейчас. Та молодая женщина казалась значительно добрее и открытее, чем стоящая неподалеку от меня тетка со сведенными на переносице бровями и каким-то злобным взглядом.

Светловолосый юноша, стоявший подле Евгения Константиновича, тщетно пытался придать выражению своего лица трагическую сосредоточенность. Оптимизм и любопытство, свойственные его возрасту и натуре, то и дело прорывались наружу. Роман бросал беглые взгляды по сторонам, несколько раз он довольно пристально разглядывал и меня тоже, что в общем-то и не удивительно.

Когда сегодня Анатолий Константинович и его жена меня увидели, то некоторое время не могли вымолвить ни слова от удивления.

Мысль, которая возникла у Анатолия Константиновича, я прочла в его глазах отчетливо: по правильному ли адресу обратился он, когда решил расследовать обстоятельства смерти своей матери? «Почему эта женщина, именующая себя детективом, ведет себя столь странным, даже вызывающим образом?» – вот что сквозило в его взгляде. Но объяснять что-либо было поздно, поэтому ему и его жене не оставалось ничего другого, как смириться и продемонстрировать своим видом окружающим, что ничего странного в моем наря-

де нет.

Тактика выбранного мной на сегодняшний день имиджа была проста: я рассчитывала произвести впечатление на Геннадия. Сначала, правда, хотела нарядиться по типу серой мыши, чтобы быть наименее заметной. Но потом решила, что в таком случае ничего не выиграю, поэтому создала совсем иной. А моему заказчику и его жене пришлось принять все как есть.

Геннадий был младше меня на два года, но я совершенно справедливо полагала, что разницы в возрасте не будет заметно. Сама по себе я выгляжу моложе, чем зафиксировано в паспорте, а с помощью доступных мне средств макияжа постаралась свой «срок», намотанный от рождения, еще приуменьшить. Конечно, Геннадия я пока не видела и вкусов его не знала, поэтому действовала наобум, исходя лишь из того, что говорил клиент о наклонностях племянника.

Предположив, что, вероятнее всего, ему по сердцу девушки, не отягощенные моральными принципами, я легко вылепила из себя такую. И сейчас меня «украшали» короткая юбка и лимонно-желтый джемпер с оч-чень глубоким вырезом – наряд, более подходящий для ночных походов с поиском приключений на одно место, нежели для погребальной церемонии. Про макияж вообще песня отдельная – на мне было столько штукатурки, и нанесена она была так вульгарно, что я самой себе казалась буффонадным клоуном. Да еще прическа состояла из сплошного жесткого начеса, сде-

лавшего мою голову похожей на лимонную корку. А в довершение всего я придала своему взгляду выражение тупой бессмысленности, вполне благополучно сочетавшееся со всем остальным.

Еще дома, стоя перед зеркалом, я подумала, глядя на девицу, отражавшуюся в нем: «А не переборщила ли ты, девонька?» Но на тот случай, если в подобном виде я не найду общего языка с Геннадием, у меня был запасной, так сказать, парашютный вариант. Поэтому я решительно хлопнула за своей спиной дверью и вышла на тропу войны.

В данный момент Анатолий Константинович и его жена стояли передо мной, и я по их напряженным спинам чувствовала, как им неловко иметь в родственницах такую вот красавицу-племянницу. А глянув на небольшой рост полковника милиции, я похвалила себя за то, что не надела первоначально намеченные туфли на высоких каблуках. Сын полковника если и выше отца ростом, то ненамного. Следовательно, я и без каблуков буду возвышаться над ним, подобно Пизанской башне. Но больше всего меня сейчас беспокоило то, что Геннадий на похоронах не присутствовал. Неужели все мои гримерно-костюмерные старания напрасны?

Когда могильщик пригласил каждого из присутствующих кинуть горсть земли, возле моего уха вдруг раздался спокойный тихий голос:

– Привет. По-моему, здесь скучно, ты не находишь?

Рядом со мной стоял коренастый, невысокого роста брю-

нет, с лицом, сильно напомнившим мне облик Евгения Константиновича Делуна. Такой же прямой нос и жесткий рот. Такие же вьющиеся волосы. Глаза Геннадия, правда, в отличие от отца, были близко посаженными и бесцветными.

– Да, наверное, – поспешила ответить я, придав голосу оттенок легкомысленности. – Так не гулянка же.

Евгений Константинович, увидев старшего сына, да еще в моей компании, еще больше помрачнел и насупился.

– Ты кто? – задал Геннадий мне вопрос, с улыбочкой глядя на собравшихся вокруг родственников.

– Племянница Любове Сергеевны, – ответила я, бросив на молодого человека завлекательный взгляд. – Двоюродная.

– Давай на время поминок образуем союз, – предложил он мне то, чего я, собственно говоря, и добивалась. – Жрать охота, а разговаривать с пристающими родичами – нет. Если мы будем вдвоем, мне не придется отвечать на их дурацкие вопросы. Идет?

– Без проблем, – небрежно бросила я, пожав плечами.

Теперь-то я поняла, что он просто не мог на меня не клюнуть, в каком бы обличье я ни была. Все здесь стоящие – для Геннадия враги, а я – незнакомка, одного с ним возраста, да и к тому же из себя ничего... О том, что не далее как два часа назад, стоя в прихожей перед зеркалом, я была сама себе противна, я уже забыла.

Стоявшие впереди Анатолий Константинович с супругой, слышали наш разговор, но мой клиент предпочел никак не

реагировать, а его жена позволила себе лишь покоситься в нашу сторону.

Геннадий, уловив косой взгляд тетки, сладко произнес улыбаясь:

– Не одобряете, Любовь Сергеевна?

Та, отвернувшись, промолчала.

Однако этот фрукт посложнее, чем я предполагала! Вовсе не примитивный уголовник, которого не составляет большого труда вычислить. Кажется, мне придется основательно потрудиться.

На кладбище я приехала на «Ниве» своего «дядюшки», но обратный путь проделала уже в компании своего нового знакомого. В автобусе Геннадий намеренно прошел в конец, чтобы затесаться в толпу соседей, подальше от родственников. Я, как шнурок, последовала за ним.

– А ты ничего, – сказал он, когда автобус тронулся. – Только косметики слишком много.

«Надо же, какой любитель меры нашелся!» – подумала я, а вслух жеманно сказала:

– Не нравится, не смотри.

Он пропустил мою реплику мимо ушей.

– Еще бы манеры попроще – и будет самое то!

Теперь я подумала, что надо было мне оставаться самой собой, а не придумывать этот проститутский антураж. Но кто же знал, что я встречу не примитивного уголовника, а нарвусь на хладнокровного, расчетливого и, самое главное,

неглупого молодого человека. К тому же разбирающегося в женской красоте.

Всю дорогу до кафе, в котором должны были состояться поминки, мы с Геннадием непринужденно болтали. Не знаю, насколько мне удалась роль глупышки, которую я старательно изображала, но пронизывающий взгляд моего спутника внимательно изучал меня все те полчаса, что автобус тащился с кладбища до города.

– Тетка твоя тебе не сильно надоедает? – спросил он, когда мы уже сидели за длинным поминальным столом. – Мне кажется, она такая ужасная зануда.

– Есть немного, но я уже привыкла.

– Посмотри, какие замечательные кругом лица. – Геннадий пригласил меня оглядеться вокруг, не переставая пережевывать гуляш. – Обрати внимание, с какой любовью смотрит на меня вон та женщина.

Я посмотрела в сторону его небрежного кивка и увидела горящий ненавистью взгляд мачехи Геннадия, обращенный на него. М-да, не любит она своего пасынка. Мне, как и ей, известно, что он подонок, но к чему так обнажать свои чувства на людях, да к тому же на поминках?

– Помнишь сказку про царевну и семь богатырей? – задал неожиданный вопрос Геннадий. Я поперхнулась, и он заботливо похлопал меня по спине, поинтересовавшись: – Ты чего?

– Кусок не той стороной пошел, – попыталась оправдаться

я, вытирая выступившие на глазах слезы.

– Так вот, мою мачеху как будто специально списали с этой сказки.

Он бы еще про «Аленький цветочек» вспомнил!

Меня все больше охватывало любопытство: неужели этот знаток русских сказок обокрал родного дядьку? Я смотрела на Геннадия и не верила, что он способен на убийство собственной бабки. Хотя пару раз выражение его глаз становилось ледяным и колючим, и в эти секунды я могла поклясться, что именно он угробил Ксению Даниловну. Но очень быстро облик жестокого преступника прятался за маской насмешливого безразличия. Наверное, это у него способ защиты от окружающей действительности.

Когда мы вышли из кафе, Евгений Константинович стоял рядом со своей служебной машиной, а завидев сына, решительной походкой двинулся к нам.

– Сейчас ты поедешь со мной, – отрывисто приказал он Геннадию.

– Бить будешь? – усмехнулся мой спутник.

– Не ерничай, а садись в машину.

– Итак, она звалась Татьяной, – продекламировал Гена, забрасывая себя на заднее сиденье казенной машины. Его красноречивый взгляд, нырнувший в самую глубину выреза моей кофточки, отчего-то заставил меня затрепетать.

Я опешила. Он цитировал «Онегина», или мне послышалось?

– Толя! – крикнул Евгений Константинович выходящему из кафе брату. – Я заеду к тебе вечером!

С этими словами он уселся рядом с водителем, и машина тронулась. Анатолий Делун ошарашенно глядел вслед удаляющейся машине. Он явно не ожидал, что его брат первый сделает шаг к примирению. А я стояла и думала, что мое общение с Геннадием требует продолжения, но каким образом его осуществить? Не мне же самой было предлагать Геннадию встречу! Однако осознав, в каком положении я сейчас оказалась, начала ругать себя за щепетильность. Ну, навязалась бы сама! В конце концов, это не вступило бы в противоречие с выбранным имиджем доступной дурочки.

От кафе до дома я опять ехала с «родственниками» на «Ниве». Анатолий Константинович вел машину и всю дорогу обсуждал с женой причину необычного поведения брата. После того как тема была исчерпана, он обратился ко мне:

– Какое впечатление произвел на вас мой племянник?

Совершенно не подумав о том, как могут быть восприняты мои слова, продолжая свои размышления, я брякнула первое, что пришло на язык:

– Если вы о старшем, то он душка.

Машина резко затормозила прямо на проезжей части.

– А вы знаете, что этот «душка» ограбил мою квартиру? – взвился Анатолий Константинович, обернувшись ко мне. – Общий ущерб составил тридцать тысяч рублей!

– Слышала, – посерьезнела я.

– А еще он изнасиловал пятнадцатилетнюю девчонку! И его отцу много усилий пришлось приложить, чтобы уговорить родителей девушки забрать заявление из милиции и взять деньги за нанесенный моральный ущерб и причиненные душевные страдания.

Анатолий Константинович накалился, как утюг, и я уже пожалела о сказанном.

Странно... Я нисколько не сомневалась, что Геннадий действительно совершил все только что перечисленное его дядей. Но последний почему-то напоминал мне мальчиша-плохиша, доносящего на своего товарища, а Геннадий, преступник, как говорится, со стажем, не вызывал у меня отвращения и неприязни. Почему Остап Бендер, мошенник с большой буквы, вызывает у всех только симпатию?

Машина опять тронулась.

– Простите, Анатолий Константинович, – сочла нужным извиниться я. – На самом деле я совсем иного мнения о вашем племяннике.

«Как бы не так!– съязвило мое ехидное второе „я“. – Этот молодой человек с вьющимися черными волосами тебя действительно очаровал!» Возмущившись такому откровению, я принялась убеждать себя, что нужно быть беспристрастной, объективной и не поддаваться обаянию преступных элементов.

– Советую вам не расслабляться, – строго предупредил меня Делун. – Иначе этот самый «душка» воткнет вам нож

в спину тогда, когда вы менее всего будете этого ожидать.

Выражение, которое применил Анатолий Константинович, было образным, но мне пришлось признать, что он прав. На душе от этого легче не стало.

* * *

Когда я вошла в помещение, где располагался клуб собаководов, Леня, мой бывший одноклассник, меня уже ждал. С тех пор когда я видела его последний раз, он сильно изменился. Стал солидным, спокойным, уверенным в себе.

– Сколько лет, сколько зим! – воскликнул он, распахивая мне навстречу руки. – Ты, никак, лающий звонок решила завести?

– Нет, – запротестовала я, давая понять, что об этом и речи быть не может. – Достаточно того, что у меня в квартире кенар живет. Да и тот частенько голодный в клетке сидит, потому как его хозяйка домой редко заявляется.

– Ну, если я не угадал, тогда выкладывай, что у тебя.

Леонид внимательно выслушал историю о нападении ротвейлера на старушку, на протяжении моего повествования периодически кивая головой.

– Ты так киваешь, будто этот случай уже тебе известен.

– Нет, это я своим мыслям. Ну что я тебе могу сказать? Случай неприятный. Ротвейлер действительно имеет высокую дрессируемость, низкую реактивность. А еще он очень

агрессивен.

– Поясни, что такое «низкая реактивность»? – попросила я, стремясь разобраться во всем досконально.

– Это значит, что собаку легко выдрессировать на то, чтобы она не пугалась резких звуков, вспышек света и тому подобных внешних раздражителей. У ротвейлера к тому же изначально устойчивое отношение к воздействиям окружающей среды. Скажем, у спрингер-спаниеля тоже высокая дрессируемость, но зато высокая реактивность, вследствие чего для различных служб, связанных с экстремальными ситуациями, эта порода не очень годится.

– То есть ты хочешь сказать, что хорошо выдрессированный ротвейлер может не реагировать ни на лай чужой собаки, ни на раздражители в виде мясного лакомства?

– Совершенно верно. Но для этого собака должна пройти курс специальной подготовки.

– Так я и думала. Скажи, а можно самому хозяину выдрессировать собаку на нападение?

– Понимаешь, в чем дело... Если даже приобрести специальное руководство по дрессировке собак, то обучить ее в домашних условиях вряд ли получится. Мне такое не представляется возможным.

– Почему?

С точки зрения Леонида, я, наверное, задавала глупые вопросы, но он был очень снисходителен.

– Во-первых, дрессировщику для того, чтобы обучить со-

баку для несения защитно-караульной службы, необходим помощник.

– Какая же здесь защитно-караульная служба, если собака нападает?

Леня откашлялся. Оценив степень моей «темноты» по данному вопросу, он принялся, что называется, разжевывать.

– Объясняю. В процессе дрессировки для защитно-караульной службы у собаки вырабатываются следующие навыки: недоверчивое, даже злобное отношение к посторонним людям, способность к задержанию человека...

– Достаточно, – перебила его я, – мне уже понятно.

– Так вот, – продолжал Леонид, – отвечаю на твой вопрос «почему». Для начала у собаки вырабатывается смелость. С этой целью помощник бьет собаку прутом, дразнит ее. Не буду вдаваться в тонкости, но тут без помощника обойтись никак нельзя. Я уже не говорю про необходимый инвентарь. К тому же к специальной дрессировке приступают только после прохождения собакой общей дрессуры. В общем, я думаю так: чтобы собака качественно выполняла все те действия, о которых ты мне рассказала, необходимы занятия со специальным инструктором. Даже с несколькими.

– А могла собака ошибиться? Ее, к примеру, натравливали на одного человека, а она покусала другого. В то утро накрапывал дождь, может, это сбило с толку собаку?

– Судя по тому, что ты мне рассказала, нет. Атмосферные

осадки никак не могут помешать конечному результату, если собака идет вслед за человеком. Вот если бы она прорабатывала следы, то есть искала бы по следам человека, который прошел час назад, а в это время шел сильный дождь, тогда эффективность поиска сильно бы снизилась. А когда на улице морось, то, как утверждают некоторые специалисты, дальность «причуивания» даже увеличивается. Если же ротвейлера хозяин вел за этой бабушкой по пятам, след в след, то ошибки тем более быть не могло. Кстати ротвейлер – сучка или кобель?

– Кобель, – вздохнула я, будто подтверждая тот факт, что от кобелей ничего хорошего ожидать не приходится.

Леня понимающе кивнул, по всей видимости, утверждаясь в своем предположении.

– У самцов более развито чувство поиска полового партнера, что способствует развитию более верной ориентации на следе, – пояснил он. – Именно поэтому самцы лучше приспособлены для поиска передвигающегося источника запаха. Но в твоем случае и искать ничего не надо было.

Леонид посмотрел на меня заинтересованно, как бы раздумывая: какой еще каверзный вопрос я могу задать.

– Значит, для осуществления того, что сделал преступник, ему вовсе не нужна одежда потенциальной жертвы... – подумала я вслух, поняв всю ошибочность своей первоначальной теории. А ведь мнила себя хоть немного, но разбирающейся в вопросах дрессуры.

Услышав мои слова, Леонид рассмеялся:

– Детективов насмотрелась, сразу видно!

– Разумеется, насмотрелась! Вся моя жизнь один сплошной детектив, – не стала возражать я. А Леня продолжил пояснения:

– Ориентировка по запаху нужна, чтобы собака взяла след искомого человека. Активно сделать это она может, если след, как любят писать в детективах, – «горячий», то есть прошло не больше часа с того времени, как человек прошел. А в твоём случае не нужно было никого искать. Достаточно было идти за жертвой, а потом скомандовать «фас».

Что ж, если личные вещи не нужны, то это только облегчало задачу преступнику. Значит, проникать в квартиру Ксении Даниловны ему вовсе было не обязательно.

– Ты не мог бы мне дать адреса клубов, где проводят специальную дрессировку собак?

– Да, конечно. Только у меня собрана информация об уже зарекомендовавших себя школах по дрессуре, а сейчас много частных развелось. Сама знаешь, на любом столбе можно объявление об их услугах прочесть. Поэтому я не вполне уверен, что тебе легко удастся найти того, кто с тем ротвейлером.

И я не была вполне уверена, но под лежащий камень вода не течет.

Бросив на своего бывшего одноклассника полный благодарности взгляд, я постаралась заглушить в себе шемящие

воспоминания о школьной поре, где существовали отдельно ото всех только он и я. Это было так давно...

Леня оказался прав. Я объехала все названные им собаководческие школы, а также все адреса, которые смогла раздобыть сама, но нигде ротвейлера по кличке Роф зарегистрировано не было. На всякий случай я переписала клички всех ротвейлеров, имеющих коричневый окрас и прошедших обучение за последние два года.

И я вынуждена была сознаться, что в этом направлении на данный момент следствие зашло в тупик. Что ж, придется мне пока оставить собаку в покое и вплотную заняться ее хозяином.

* * *

Сидя на диване, я машинально отправляла в рот кукурузные хлопья и напряженно думала, каким бы образом мне опять встретиться с Геннадием Делуном. Необходимо было выяснить, где он был в то самое время, когда травили Ксению Даниловну. Да, он уголовник, но ведь презумпцию невиновности еще никто не отменял. Конечно, косвенно все улики ведут в квартиру полковника милиции. Но почему под подозрение должен попасть только Геннадий? Только потому, что его дядя Анатолий уверен в виновности племянника? Для меня это вовсе не повод. Может быть, преступление совершил Роман? Или, скажем, Инесса? Сегодня я лично ви-

дела, сколько злобы кипит в этой женщине.

Я пыталась сама перед собой оправдаться и доказать, что пытаюсь выгородить Геннадия вовсе не потому, что он мне понравился, а только из чувства справедливости. Но в любом случае начинать необходимо с него. Вопрос состоял в том, как это сделать, не привлекая подозрений. Конечно, имидж я себе состряпала такой, что теперь могу позволить себе все, что угодно. Позвонить и самой назначить ему свидание, например. Но как бы его не спугнуть... Геннадий не матерый рецидивист, но если преступление совершил действительно он, то моя навязчивость может его насторожить. Хотя, может, я перестраховываюсь?

Мои размышления прервал телефонный звонок.

– Татьяна, – сухо произнес знакомый голос, кажется, клиент вошел в роль начальника, – спуститесь ко мне. Для вас есть новая информация.

В надежде на то, что последующий визит поможет мне сдвинуть дело с мертвой точки, я буквально через минуту была уже у соседей.

– Только что от меня вышел Евгений, – хмуро произнес Анатолий Константинович и посмотрел на жену. Похоже, Евгений их сильно чем-то огорчил, так как даже на сегодняшних похоронах их лица не были столь мрачными.

– Брат сообщил мне, что врачи нашли у него рак легких. Это значит... – Делун покосился на жену, – это значит, что вскоре и он уйдет вслед за нашей матерью.

– Зачем же так сразу? – порицая, произнесла я, поняв, какое направление примет разговор, и опускаясь в кресло, готовая к долгой беседе. – Рак в наше время излечим, и тому имеется множество примеров.

– Излечим, но не в предпоследней стадии, – устало проговорил Анатолий Константинович, проводя ладонями по лицу.

– И с какой целью он вам рассказал об этом? – недоумевала я. Зачем полковнику милиции понадобилось сообщать брату о своей болезни именно в день похорон их матери?

– Он волнуется за Ромку. Боится, что тот, оставшись без положительного влияния отца, пойдет по стопам старшего брата. Просил меня, если диагноз приведет к летальному исходу, чтобы я был с Ромкой рядом и мужской рукой направлял его по жизни.

– Как же это возможно, если, по мнению вашей жены, Евгений настраивал Романа против вашей семьи? – спросила я, понимая, что мне нет до этого никакого дела, но все же предпочитая внести ясность.

– Женя утверждает, что ничего подобного он сыну не говорил. Наоборот, по его словам, всегда призывал сына не обращать внимания на распри взрослых и продолжать общаться с родственниками, – постукивая по столу карандашом, объяснил Анатолий Константинович. – Но не это главное. Надеюсь, вы догадываетесь, зачем я вам все это рассказал?

– Понимаю, – кивнула я неохотно. – Вы предположили,

что из-за болезни отца у Геннадия появился прямой мотив для убийства собственной бабки. Вы это хотите сказать?

– Совершенно верно. Моя мать никогда серьезно не жаловалась на здоровье и, если бы не история с собакой, прожила бы еще долго. Теперь, убрав родную бабку с дороги, Генке остается лишь немного подождать смерти отца. Правда, Евгений сказал, что никому, кроме его врача, не известно о его болезни. Но я думаю, Генка мог разнюхать.

– И все же логика здесь отсутствует, – вмешалась сидящая рядом с мужем Любовь Сергеевна. – Откуда Генка может знать, что его отец болен смертельно? И если уж на то пошло, не проще ли было бы убрать с дороги бабушку, когда отца не станет, чтобы действовать наверняка?

– Проще, – согласилась я, но тут же возразила: – Только, во-первых, в этом случае у Геннадия просматривается мотив для убийства, и его не упустит из виду милиция, а во-вторых, когда отца не будет в живых, то некому будет спасать его от тюрьмы.

Любовь Сергеевна согласилась, что не подумала об этом.

– Сами того не замечая, в своих рассуждениях вы представляете Геннадия очень умным и опасным преступником, – сообщила я Анатолию Константиновичу свое мнение, которое для него тоже стало очевидным. – Ваш племянник на самом деле так умен?

– Вы же видели – все свои чувства и мысли он скрывает за маской насмешливости и пренебрежения. Трудно понять,

что думает и что в следующую минуту сделает такой человек.

– Вы говорили о своих подозрениях брату? – отвела я разговор от Геннадия.

– Нет. Он сам далеко не глуп, хотя и принято думать, будто в милиции служат одни недоумки. Евгений все прекрасно понимает. Я не хочу снова с ним ссориться, доказывая, что, выгораживая сына, спасая от правосудия, он делает ему медвежью услугу. Тем более не хочу с ним спорить после того, как узнал о состоянии его здоровья. Если он опять вознамерился лечь за Генку грудью на амбразуру, то я не смогу его остановить. Для того и вас нанял, чтобы вы нашли доказательства Генкиной вины, которые я постараюсь передать в руки человека, который, вопреки влиянию и связям брата, все же заведет уголовное дело на моего непутевого племянника.

Я вовсе не была уверена, что в данном, расследуемом мною деле появятся улики, напрямую изобличающие преступника. Это же не кража или убийство, совершенное в квартире, когда можно, скажем, обнаружить отпечатки пальцев или найти свидетелей. Какие могут быть улики, если все случилось на улице, а исполнителем убийства являлась собака? Но обо всем этом я предпочла пока промолчать.

– Вы уверены, что ваша мать не изменяла текста завещания? – спросила я не ради самой информации, а только для того, чтобы услышать, что Анатолий Делун мне ответит.

– Нет, не изменяла, – глядя мне в глаза, проговорил он. –

Я уже был у нотариуса.

«Ну, это я еще проверю», – пообещала я самой себе.

– Кстати. Наш непосаженный уголовник, я имею в виду Геннадия, набрался наглости позвонить сюда. Он просил позвать вас к телефону.

Хорошенькое у него, однако, «кстати». Не мог сказать об этом сразу! Поняв, что проблема, над которой я размышляла перед этим звонком клиента, решена, я почувствовала облегчение. Но, как у истинного профессионала, ничего не отразилось на моем лице.

– Не надо так реагировать, – пыталась я охладить пыл Анатолия Константиновича. – На это и был мой расчет, когда я выстраивала свой план. Что вы ему ответили?

Мой строгий, с оттенками угрозы тон должен был дать клиенту понять, что, если только он послал Геннадия «куда подальше», на него обрушится вся сила моего гнева. Еще бы! Ну держитесь, Анатолий Константинович! Мало вам не покажется, все мои старания вы обратили в ничто.

– Я сказал, что вы в душе и сами ему потом перезвоните.

– И как давно он звонил?

– Часа три назад. Но вслед за его звонком приехал брат, поэтому я не мог вам перезвонить сразу.

Три часа прошло! А я до сих пор не перезвонила. Как тщательно, однако, некоторые несерьезные барышни могут мыться... Я там у себя сидела на диване и думала, как быть, а ведь могла уже встретиться с Геннадием!

Последняя мысль меня немного испугала. Неужели, Иванова, ты успела втрескаться в столь неположительного героя? Поймав себя на мысли, что его разложившийся моральный облик не производит на меня должного отрицательно-го действия, я попыталась зайти с другой стороны. Он же на полголовы ниже меня, и глаза у него собраны в пучок на переносице... Прислушавшись к себе, я вдруг отчетливо поняла: ничто не действует! Геннадий Делун мне действительно нравился, и это было самым ужасным.

Мне вспомнился не один случай, в котором женщина-следователь, испытывая чувство любви к подследственному, освобождает последнего, и сама за это садится за решетку. В моем случае все было не настолько трагично, но почему-то по спине пробежали мурашки. Может, пока не поздно, сказать заказчику, что я отказываюсь вести дело? Черт с ними, с деньгами. Возьму у Григория, он же мне предлагал, и отдам Делунам за их загубленный мной ремонт. Сейчас самым лучшим выходом для себя я видела больше никогда не встречаться с подозреваемым по имени Геннадий Делун.

Но моя самонадеянность взяла верх. Неужели я не совладаю с собой? Неужели позволю, чтобы меня засосало в этой патологической страсти к вору и насильнику? А может быть, к тому же еще и убийце. Теперь я посчитала долгом профессиональной чести справиться с неожиданными чувствами. «Если не сможешь, – очень жестко сказала я себе, – то пойдешь работать вахтером в поликлинику».

– Он звонил из дома? – пытаюсь продемонстрировать полное равнодушие, спросила я.

– Да. Сказал, что будет ждать вашего звонка.

«Будет ждать звонка...» – эхом отозвались слова соседа в моей голове, и мне почему-то представился Ниагарский водопад, который я имела счастье видеть не только на картинках, но и воочию, и молодая женщина, с огромной скоростью несущаяся в лодке прямо к обрыву. Этой женщиной была я.

Глава 4

Спустя пять минут я, чувствуя себя очень беспокойно, но твердя, что имею дело с насильником, вором и убийцей, набрала номер телефона, который мне дал Анатолий Константинович. Трубку сняла Инесса.

– Будьте добры, Геннадия, – вежливо попросила я, хотя с этой женщиной мне было тяжело разговаривать подобным образом. Мне ничего не ответили, только трубку громко ударили обо что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.